

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1695632>

Музыкальная шкатулка

Направленность: Смешанная

Автор: Tequila (<https://ficbook.net/authors/86604>)

Фэндом: Naruto, Fairy Tail (кроссовер)

Пейринг или персонажи: все/все

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Ангст, Флафф, Драма, Фэнтези, Психология, Повседневность, Даркфик, Hurt/comfort, AU, Эксперимент

Предупреждения: OOC, Элементы гета, Элементы слэша, Элементы фемслэша

Размер: Драббл, 9 страниц

Кол-во частей: 4

Статус: закончен

Описание:

Совместимое несовместимого, крек здесь, крек там, полет фантазии, нетипичные герои с реальным попадосом. Этакий сборничек солянок под любимые композиции.

Посвящение:

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Ничем не связанные друг с другом зарисовки, обоснуй где-то в Бухаресте, мучается от похмелья.

Из-за отсутствия заинтересованности в этих анимемангах ставлю статус "законченно" (хотя идей еще дохера с хвостиком), а там — посмотрим.

ТОС

ТОС	2
Нацу/Эрза «Тепло на двоих»	3
Люси/Джубия «Меняя роли»	6
Примечание к части	8
Стинг/Сакура «Без ошибок»	9
Уртир/Эрза «По диким тропам»	11

Примечание к части Пьяные, неадекватные феи уже давно не в себе, зато искренние. Ну а ночь окажет услугу и скроет ото всех их маленький секрет.

Вряд ли здесь R, но все возможно. Вдохновлялась песней The Pretty Reckless — Just Tonight.

И, конечно, посвящаю сие легкое безобразие товарищу Мяско и Green Rain. Хоть первая и свалила давно отсюда, удалив весь свой шикарный сборник, а со второй я не знакома лично, но наслышана. Все равно впечатлилась вами, ребята. с:

Нацу/Эрза «Тепло на двоих»

В костре еще горит огонь, языки пламени все норовят дотянуться до неприкрытых девичьих колен и жадно укусят за слегка обветренную кожу. В голове кто-то хмельным голосом напевает странную песню, а на губах лишь терпкий вкус виски. Глаза, поддетые пьяной пеленой, заморожено смотрят на забавные попытки огня дотянуться до беззащитного сейчас тела, а руки сами тянутся к бутылке за очередным глотком изысканного напитка.

Люси под боком что-то пыхтит и лишь сильнее кутается в плед. Замерзла. А Эрзе не холодно. Источник ее тепла сейчас сосредоточен в этой золотистой жидкости, что плещется в бутылке, а еще в хмельном голосе, напевающем странную песню в голове. Ее сознание не меркнет, нет, его лишь медленно обволакивает сладкая полудрема, и даже количество выпитого алкоголя сейчас не важно. Ничего не важно. Главное, что тепло.

Странные они вообще, по своей натуре далеки от всего нормального и типичного, вот только проблемы у них жизненные и тоска волчья, совсем как у обычных людей. А сегодня негласно решили побить ранее установленные рекорды неадекватности и после удачной миссии остановиться на ночлег в лесу, развести костер, выпить виски. Виски принес Нацу и одному только Зерефу ведомо, где он его достал. Пожалуй, именно виски и было первоначальным источником их сегодняшней ненормальности.

Они пили одну бутылку медленно, не спеша, смакуя каждый глоток, гоняя терпкую на вкус жидкость во рту, делили дурманящее тепло внутри на двоих. Люси пить отказалась сразу, ей итак хватало проблем с печенью после каждой совместной попойки, а Эрза никогда особо не сопротивлялась, хоть и пить толком не умела. Вот только желания спиться не было. Хотелось лишь тепла.

Заклинательница смотрит на товарищей осуждающе, ей холодно и неудобно, а они будто и не видят. Даже обидно немного, и девушка вновь что-то тихо ворчит. Хеппи давно уже спит на коленях под пледом, ему хорошо и, наверное, рыбка снится, а Хартфилия мерзнуть больше не намерена. Она молча поднимается на ноги, аккуратно беря на руки котенка и, чуть ли не теряя плед на середине дороги, уходит в палатку. Там-то теплее и куда уютнее, чем сидеть на холодном июльском воздухе среди хмельных друзей и их общего источника тепла на этот вечер. Каждый из них согревается по-своему.

Нацу лишь краем глаза наблюдает за действиями девушки, а потом ленивым взглядом скользит по расслабленной позе воительницы. Та даже не смотрит на подругу, весь ее мир сжался до размеров этого костра, языки пламени в котором из разу в раз бросаются

в дикую пляску, когда не удастся дотянуться до слегка обветренной кожи на неприкрытых девичьих коленях. Губы Алой растягиваются в какой-то совершенно не свойственной ей улыбке, а Нацу неосознанно и жадно ловит это ее движение, стараясь отпечатать в своей памяти надолго. Ведь когда еще выдастся такой удачный случай лицезреть Скарлет обнаженной морально, без этих вечных ее непробиваемых панцирей и прочих доспехов души.

Драгнил аккуратно забирает у нее бутылку и делает неглубокий глоток. Виски — не эль, его просто непозволительно пить залпом, расхлебывая половину содержимого на землю. Наверное, по этому же определению Эрза до сих пор не в отключке. Топить собственное разочарование в недешевом алкоголе вряд ли хорошая идея, но Алой сейчас не до глубокомысленных рассуждений. Может, стоило бы наконец-то разрешить ее извечную амурную дилемму с одним магом, страдающим последней стадией нерешительности, да вот к черту. Надоело как-то, а в голове только хмельной голос и не грамма трезвой мысли. Хочется тепла. А еще хочется... танцевать.

Взвешивать буквально каждый свой шаг, каждое слово было негласным правилом той Титании, чья отвага прочнее стали доспехов, а гордость пылает не хуже ядерно-алых волос на фоне заката. Той Титании, а не этой пьяной феи, что впервые за долгое время не стесняется привычными оковами свои движения, и крылья ее, обожженные горьким разочарованием и милостью судьбы, не скованы больше железными цепями.

Эрза облакачивается на руку и тянется к спасительной бутылке за новой дозой тепла. Нацу неотрывно следит за ней, а когда девушка облизывает нижнюю губу, забирая остаток обжигающей жидкости на ней себе — сглатывает. Ему почему-то самому хотелось это сделать, а Эрза жадничает, не смотря на то, что у них еще полбутылки есть. В голове дурман дурманом, а по венам, словно вместо крови течет золотистая жидкость, разнося по всему телу сладкую полудрему. Алая неуверенно поднимается на ноги и подходит к огню, слегка касаясь пальцами руки обжигающих языков пламени. А те, словно обрадовавшись долгожданной добыче, вспыхивают с новой силой, и дикая пляска их теперь кажется безумной. И воительнице хочется плясать вместе с ними...

... во тьме ночной, среди бликов яркого пламени фея танцует свой волшебный танец, поддаваясь безумию его огней, что красными языками ласкают ее тело. Дракон жадным взглядом ловит все ее движения и кажется, что танцуя для ночного огня, она танцует и для него тоже. Сменившая прочность титана на обычный шелк летнего сарафана, Алая заставляет его испытывать голод. Как то обжигающее пламя, он хочет съесть ее, поглотить целиком, впитать в себя, и пускай сейчас они оба не в себе, пускай за их желания говорит хмельной голос в головах, пускай... Все равно сегодня был негласно оглашен день их общей ненормальности, когда и тоску, и разочарование, и тепло внутри можно разделить на двоих.

Нацу рывком притягивает к себе за руку Алую воительницу, что так желанна сейчас в своей обжигающей искренности, и чувствует терпкий запах виски на ее губах. И это действует на него не хуже любого катализатора.

Руки, что так сильно сжимают ее бедра, губы, которые оставляют на ее шее не менее болезненные, чем ожоги языков пламени, поцелуи. У Дракона внутри — пожар, взрывы и потоки лавы, а у нее — пепел и колющее разочарование. Она пуста, она обнажена

морально и физически перед ним, потому так и тянется к теплу. Обжигающему, стоит только дотронуться — и сгоришь полностью. Фея согласна гореть, она боли не боится. Не ту, что может причинить ей он. Просто потому, что Нацу будет гореть вместе с ней.

Они всегда были странными, всегда себе на уме, по своей натуре далеки от всего нормального и типичного, вот только проблемы у них жизненные и тоска волчья, совсем как у обычных людей. А сегодня напрочь стерли все грани, негласно объявив этот день днем их общего безумия. И плевать, что они оба не в себе, что просто пьяны от дурманящего чувства внутри и что просто хочется. Что совсем рядом спит ни о чем не подозревающая Люси, что завтра наверняка будет стыдно. Завтра вернуться на свои законные места стертые за эту ночь грани, на лица оденутся маски, а крылья вновь стянутся железными цепями. Завтра будет... когда-то, да будет, но не сейчас и не здесь.

Виски золотистой лужицей растекается по земле, словно обвиняя фей в их непозволительно безалаберности, но у тех двоих ненормальных вряд ли будут сожаления по этому поводу. Им наконец-то тепло.

Люси/Джубия «Меняя роли»

Громогласное "Бал!" протяжным эхом разносится по всему периметру здания, сотрясая и стены, и потолок, а Люси невольно морщится, потирая виски в попытке унять звенящий шум в голове. И стоило так орать из-за какого-то приглашения? Странный конверт с письмом лично мастеру с не менее странным содержанием. Бал? Очередной бал... Вся гильдия приглашена? Вот уж безумцы...

Интереса и воодушевленного настроения своих согильдиевцев Люси не разделяет. Не то, чтобы у нее нет подходящего наряда, дабы покрасоваться перед друзьями, или необходимых знаний определенных па для годной партии с очередным кавалером. Просто нет желания. Бал как бал, а она не Золушка, чтобы спешить на каждый из них, с отчаянной надеждой всматриваясь в пеструю толпу в поисках «того самого единственного и чокнутого». Правило, что нормальный парень с такой взбалмошной, как и ее друзья, феей встречаться не будет, Люси освоила уже давно. Велика потеря прям.

Ей сейчас немного уныло, немного скучно, немного параллельно на происходящее в округе. Немного пофиг, если быть точнее, но Люси же леди, принцесса по умолчанию, ей даже в мыслях не допустимо произносить подобного рода слова. Ох уж эти затертые до черных дыр стереотипы.

Кто-то приземлился на стул рядом, невольно отвлекая от ленивых мыслей.

Раскрасневшиеся щеки Локсар пылают не меньше кое-чьих волос, да вот только Люси сейчас не до высокопарных сравнений. Поведение боевой подруги стоит того, чтобы на лишние две-три минутки отвлечься от столь важного сейчас безделья, наверное.

На вопросительный взгляд Миры Джубия скромно отводит потупивший взгляд. На неожиданное внимание со стороны Люси и вовсе отворачивается, нервно теребя меховые складки воротника своей шубы. Но не действует.

Минута молчание, а потом — тихое, несмелое оправдание:
— Джубия не умеет танцевать... Она не сможет пойти на бал с милым Греем...
Хартфилия с некой досадой выдыхает. Разве проблема? Вовсе нет, а значит можно помочь. Вот только...
— Не умеешь, значит научим.
Вот только эта идея оказалось весьма странной даже для такой взбалмошной феи, как Люси.

Тренироваться в доме заклинательницы было не лучшим вариантом: мало ли, налетит этот розоволосый истребитель без предупреждения и приглашения, с очередными атаками на ее холодильник, душ, постель, ценные записи, да и застучает двух девушек за столь странным занятием. Опять же непонимание, слухи и извечное "сладкая парочка", брошенное не в тему.

А вот комната Джубии в общежитии подошла как нельзя лучше. Светлая, просторная

и никто не потревожит.

— Ты, главное, расслабься, — Люси не понимает, откуда такая скованность в движениях у такой, казалось бы, решительной феи, как Джубия. А той просто дико. Дико даже думать о том, что ее будет учить танцевать девушка, что не просто девушка, а именно Люси! Что придется стоять вот так, близко-близко, смотреть глаза в глаза и контролировать эмоции. Мало ли, какие то эмоции бурлят внутри у Элемента — ее эмоции, ее дело.

— Просто отбивай в голове ритм: раз-два-три, раз-два-три, — Хартфилия стеснения не чувствует, ей спокойно и приятно на душе. Ей на душе свободно. Она аккуратно прижимает к себе за талию Локсар, исполняя роль партнера, и вальсирует с вконец раскрасневшейся девушкой по всей комнате.

У одной в голове неуверенный ритм, у другой — легкость. И приятная нега внутри.

Так повторялось изо дня в день на протяжении всей недели. Кто-то громил здания, кто-то ходил на задания, а Джубия танцевала. Танцевала в любой удачный момент, когда ее никто не видит. Кроме Люси, конечно.

Ритм в голове стал более уверенным, движения — плавными, скользящими. Каждый вечер Люси тихо пробиралась в комнату Локсар перед самым закрытием общежития, включала любимую медленную композицию и преподавала урок. Ну, урок, это если говорить официально и без всяких формальностей, а если честно, то удовольствия от этих своеобразных занятий она получала даже больше чем положено. Уныние и скука уже давно почили с миром, на прощание махнув белым флажком, а заклинательница ловила себя на мысли, что нет ничего плохого в этой внезапной смене ролей. Ей даже нравится вот так вот прижимать к себе за талию Джубию, близко-близко, смотреть в глаза, что на расстоянии меньше дозволенного, и просто вальсировать с ней по всей комнате, исполняя роль партнера. Вот только...

... ритм увереннее, движения более скользящие, а часы неуловимо отстукивают время. Три минуты, час и сутки. Целые сутки до начала бала.

Прокручивать в голове знакомое "раз-два-три", каждой секундой ритма отмеривать свой шаг, а сердце в груди бешено-бешено. Уже не репетиция, уже взаправду и без разрешения на лишний шаг влево, шаг вправо. Но вот... мелодия совсем другая, не та, которую ставила Люси.

... гомон в толпе резко стихает, стоит только ей появиться на людях. В наряде, в котором можно покрасоваться перед друзьями. В наряде, в котором можно станцевать пару па с очередным кавалером, по умолчанию чокнутым. Нормальные парни к ней не подойдут... не в этот раз.

Мужской костюм смотрится на ней весьма... впечатлительно и чертовски сексуально. Штаны, слегка зауженные книзу, подтяжки, заправленная блуза, расстегнутая на несколько пуговиц, слегка открывающая вид на черный лиф. А в завершение черный пиджак на пару размеров больше и челюсти друзей на блестящем паркете, как самый лучший ее сегодняшний аксессуар. Принцесса? Отбросьте свои затертые до черных дыр

стереотипы, мальчики, сегодня дама объявляет антракт и смену ролей.

Джубия смотри не менее пораженно, но когда Люси просит музыкантов сыграть знакомую мелодии и подходит к ней – кротко улыбается. Как там она говорила? Расслабься и отбивай ритм в голове: раз-два-три, раз-два-три. Девушки вальсируют, свободно и плавно, по всему залу, очаровывая всех и очаровываясь сами. Сегодня у Элемента эмоции не внутри — они на двоих, как и любимая медленная композиция.

Грей, наверное, элементарно забыл о том, что пялиться прям так долго и открыто не соответствует правилам приличия. Только сегодня Хартфилия ясно дала понять, что стереотипы ни к черту. Значит, можно и попялиться.
— Смотри, Грей, уведут принцессу, — ехидный голос Эрзы у самого уха невольно отвлекает, но маг отвлекаться не хочет. А еще не хочет даже думать о том, кого именно подразумевает сейчас Скарлет. У них сегодня антракт, не так ли?

А потом через неделю повторится приблизительно та же картина: унывающая Люси, привычная поза, ленивый поток мыслей в голове и... раскрасневшаяся Джубия, сидящая рядом на стуле.

Одного выразительно взгляда вполне достаточно для небольшой откровенности.

— Грей-сама сказал, что не против пойти прогуляться. А Джубия вдруг поняла, что еще никогда не целовалась и вообще не умеет этого делать.

Почему-то от первой части фразы Хартфилию бросает в холод — и попробуй тут найди логичную причину, — а от второй хочется смеяться. Разве проблема? Вовсе нет, а значит можно помочь. Вот только...

— Не умеешь, значит научим.

Вот только эта идея уже не кажется такой странной, тем более для такой взбалмошной феи, как Люси.

Примечание к части

Не типичная Люси, еще более странная Джубия. А может, так даже правильнее будет. У них антракт, смена ролей. Давно пора.

Легким намеком пейринг пробежал незаметно, но на радость одной личности я буду готова сотворить подобное еще раз и не "легким намеком".

Посвящаю сие Takashi Wei, как главному ценителю. Знаю, что не дожала, наверняка не дожала, но зарисовку хотела сделать теплой и легкой, вальсирующей приятной картинкой в сознании каждого неравнодушного, а в твоём в особенности.

Стинг/Сакура «Без ошибок»

За окном бушует зима, она настойчиво тарабанит по стеклу, воет голодным волком, свистит в щелях и морозным ветром кусает за голые плечи. Сакура лишь сильнее кутается в колючий плед, который хоть как-то прикрывает наготу, и продолжает безучастным взглядом наблюдать за безумством снежной бури снаружи.

На улицах Крокоса холодная госпожа наводит свои порядки.

Тело еще немного ломит после утреннего секса, но это даже приятно. Бок надежно греет рыжая тушка, иногда ворчащая что-то о «глупых девчонках» и «замерзнешь ведь!», а Сакура лишь слегка усмехается и лениво чешет кота за ухом. К каждому свой подход.

Она вновь утыкается лбом в холодное стекло и вспоминает. Пытается вспомнить.

Умереть в своей реальности, чтобы попасть в эту, не-реальность, а выдуманный мир из детских сказок, у которого свой, до горькой улыбки, предсказуемый канон. Стать героем своей деревни - да и всего мира в целом - посмертно, чтобы здесь все начать с нуля.

С возрастом ума не прибавляется, да вот простые истины воспринимаются совсем иначе. Жизнь учит, нравоучительно дает пинок под зад, заставляя падать в самую гущу своих же ошибок. Понимать.

Сакуре кажется, что теперь она все понимает куда легче, чем в той, уже не ее, жизни.

Кто-то тихо подходит сзади, руками забирается под плед и теплыми пальцами пробегает по выпирающим ребрам. По холодной, почти молочной коже. Такой же холодной и почти молочной, как и снег на улицах города.

Стинг лишь забавно фыркает, зарываясь носом в волосы девушки, глубоко вдыхая их запах. Но чем именно они пахнут – земляникой или все же мятой – он так до сих пор и не понял.

Разбираться заново в таком пустяковом вопросе нет желания, зато положить подбородок на макушку Харуно и привычным задумчивым взглядом уставиться куда-то за стекло – почему бы и нет?

Если кто бы и сказал, что эти двое ведут себя друг с другом, как чокнутые романтики, то услышал бы в ответ равнодушное ничего и таки подавился бы своим «романтики», стоило только бы Сакуре или Стингу взглянуть на идиота.

Потому что им обоим не до этих нежных милостей и конфетно-цветочного периода, по умолчанию установленного для всех официальных и не очень парочек. Сакура этот возраст уже переросла, а война всегда воспитывает людей по-своему; Стинг же с духом битвы в груди родился, он не из той породы достопочтенных джентльменов, которые дарят розы на первом свидании.

На первом «свидании» у них был животный секс, а потом Эвклиф где-то неделю не выпускал девушку из своей квартиры, принуждая ту обжиться на новом месте.

Забавно то, что Харуно долгое время остерегалась смотреть ему в глаза. Потому что они до дрожи *не его*.

Потому что помнит, черт возьми, до сих пор помнит.

И этот хищную усмешку, и кошачий взгляд, и низкий тембр голоса.

Это все не его, *не должно быть его*.

Это не может быть один человек. Двое, но никак не один.

Но пыльные образы, ее лучшие ошибки той жизни, лишь медленно таят за спиной убийцы драконов, и Сакура понимает отчетливо – Стинг реален как никогда.

Он так же реален, как и его уже не теплые, а горячие пальцы на выпирающих ребрах; его обжигающее дыхание у основания шеи; его легкие, наполненные желанием и странной нежностью покусывания холодной и почти молочной кожи на плече.

Он так же реален, как и снежная госпожа за окном, бушующая с ветром и метелями наравне.

А Лектору снова придется ночевать у Роуга и Фроша, да он и не против особо. Видеть впервые за долгое время спокойного хозяина с довольной усмешкой на губах – это лучшее, что могла с собой принести эта зима.

И пускай причина тому внезапно появившаяся в их тесном мире своенравная и слишком гордая девчонка.

Девчонка, которая столь же неожиданно потеряла себя между двумя реальностями?

Лектор ее понимал. Он вообще понимал больше, чем мог сказать. И то, что вопрос «кто кого спас» остается по-прежнему открытым – тоже.

Но пока эти двое будут пытаться выжить в мире друг друга, он подождет. Пока госпожа наводит свои законные порядки за окном, Лектор будет мерно спать под обнаженным боком девушки и вдыхать приятный запах мяты.

Видеть чужие сны, определяя реальность за кого-то. Ее история война закончилась со вспышкой рассвета и долгожданной победой. А сейчас Сакура заслужила столь нужный покой без излишней романтики и ошибок, которых на сей раз она точно не допустит.

Примечание к части AU, Уртир — ведьма, Скарлет — инквизитор, Цепной Пес святой церкви и Его Величества. На фоне морозного дыхания хозяйки-зимы порочная страсть и грех двух женщин, которые нарушили все установленные каноны. На пылающем одре должны были гореть они обе.

Навеяно песней Канцлера Ги "Дикая охота". Всего лишь навеяно.

Рейтинг не выше детского, но все же... мне было горячо.

Takashi Wei, как и обещала, ответный драббл, хотя и вовсе не по теме. Надеюсь, ты все еще питаешь слабость к этому легкому фемслэшу :D

А так же всем неравнодушным. Но, пожалуй, неравнодушных тут только двое...

Уртир/Эрза «По диким тропам»

И зимние морозы сковывают сердце, сковывают душу, замерзшую в вечных льдах еще позапрошлой осенью. Чувствуешь, как черная волчица дышит зиме вслед, скалясь в беззвучной усмешке, и за поворотом мелькнет чья-то тень. За поворотом будет алая смерть, и в нос ударит запах костра и гари.

По диким тропам, в объятия ночной бездны, волчица мчится по указанному полярной звездой пути. Та обещала хранить ледяную отвагу порочной женщины, чьи грехи темнее антрацитовых камней в короне Короля, но ведьма лишь махнет темным хвостом, ошетинится и снова ринется в знакомые с детства объятия.

К вечеру на диких тропинках найдут отпечатки лап, а бешеная свора снова возьмет след. Позади призрачным силуэтом мелькнет дух расплаты, а святая инквизиция будет гнать волчицу все дальше на север, без тени страха ощущая на своих щеках дыхание зимы. В древнем лесу устроили настоящую королевскую охоту, обещая поймать ведьму к первому снегу.

Лязг железных лат и металла странно-приятно ласкает слух, заставляет отвлечься. Дитя войны и преданная слуга Его Величества и церкви следует по волчьим следам, догоняя и отдаляясь с каждым полувдохом—полувыдохом, и алая ярость хлестко бьет по незащищенным щекам и шее. Волчица помнит и этот запах: терпкий, дурманящий, аромат печенных яблок и вереска...

Всего лишь месяц назад она была обычной прихожанкой при дворе Короля. Всего лишь месяц назад ее имя не было опорочено, и свободу не стискивали в крепких объятиях кандалы церковников. Всего лишь месяц назад она могла дышать ноябрем полной грудью, не ловя мимолетным взглядом чужие тени за поворотом. И хоть в волосах ее никогда не было оттенков красного вина, а в глазах не отражались зеленые огни ночных костров дреяда, кожа, цвета первого снега, была так же чиста и невинна, как и он. Такие руки не привыкли к работе в прачечной или пекарне, такому телу не носить грязных ободранных тряпок обычных горожан. Определенно, с самого начала в ней было слишком много загадок, и весь ее образ был пропитан обольстительной ложью зачаровывающих слов. Рожденная в декабре, и сердце ее подобно той корке льда не в пример жаркому огню в груди воительницы, что по своей натуре не меньше ведьма, чем она — Слезула. Да только вот Алая была рыцарем, самым лучшим инквизитором западных земель.

В ее волосах не меньше страсти, чем в полыхающем закате, а характер, закаленный сталью сражений и данными святой церкви клятвами, не сломленный и не подчиненный даже волей самого Короля. В ее руках крест, а за спиной — крылья правосудия, но будучи всего лишь отважным рыцарем, Скарлет тоже чужак в этих землях. Древний лес надежно оберегает свое дитя, скрывая следы волчих лап на холодной земле, хлестко бьет прутьями по спинам бешеной своры, ветвями терновника пускает благородную кровь. Инквизиция гонит ведьму все дальше на север, загоняя и собственные души в ловушку. И теперь совсем не беспечно мелькает усмешка на лицах Цепных Псов, когда зима в очередной раз морозным дыханием целует их щеки.

Из всех всадников лишь она одна пошла дальше по диким тропам, в самое сердце леса, преследую последнюю ведьму. Это как брошенный им обоим вызов: искуснейшие в своих немых сражениях, признанные равными друг другу, две почти-ведьмы, почти-святые грешницы скалят не то зубы, не то клыки в ожидании финишной прямой в этой безумной гонке.

Черная волчица, наконец-то сменив свой облик на более привычный людям, ждет. Она вальяжно раскинулась в ветвях величественного дуба, с любопытством наблюдая за Алым рыцарем, что так нетерпимо жаждет их последнюю встречу. И достаточно одного лишь взмаха пушистых ресниц, чтобы исполнить это желание. Слезула делает своеобразный круг почета вокруг Эрзы, внимая ее прерывистому дыханию, жадно ловя острым нюхом запах воительницы. Дурманящий, теперь уже пропитанный костром и гарью.

В волосах Скарлет алая ярость, в глазах же — ее смерть. Ведьма отчего-то смеется, прерывисто и громко, а затем нежно, почти любовно проводит рукой по изгибу незащищенной шеи. Алая и не думает даже дернуться, лишь смотрит прямо, с не скрытым вызовом в самой бездне черных зрачков.

— Ну давай же, ведьма, дай волю своему греху. И тогда я пообещаю тебе сладкую смерть.

Эрза была первой, кто принял эту порочную женщину; первой, на кого она ворожила; первой, кто узнал о ее змеиной шкуре и первой, кто действительно сожжет эту ведьму в своей обжигающей страсти безумия.

И эта ночь примет их обеих в свои объятия, защищая двоих почти-святых грешниц, у которых за спиной сотни поверженных тел и душ. У них за спиной величественной поступью ходит алая смерть, одной приказывая убивать ради проклятых идеалов, другой — ради спасения собственной шкуры.

И в конце недо-сказки черная волчица станцует на пламенном одре для *нее*. Она будет петь *ей* песни ночных дреяд и молиться дьяволу во имя спасении души рыцаря. А свою предаст огню к первому снегу зимы, когда декабрь принесет своей дочери серебристую седину на алых волосах и землях древнего леса. Огонь будет ласкать обнаженное тело последней ведьмы, напевая ей свою колыбельную, и самый искуснейший инквизитор западных земель ясно осознает лишь одно: порочный дух, что

равен ей, не будет ни сломлен, ни скован кандалами святой церкви или же волей ее Короля.

... и к следующей зиме никто и не вспомнит, отчего же Эрза после казни ведьмы долгими ночами гуляла дикими тропами в сопровождении черной волчицы.